

Светлана Алешина

Доктора вызывали?

Часть сборника
После дождика в четверг
(сборник)

Папарацци

Светлана Алешина
Доктора вызывали?

«Научная книга»

2002

Алешина С.

Доктора вызывали? / С. Алешина — «Научная книга»,
2002 — (Папарацци)

«...— Простите, я вовсе не хотела вас обидеть, — сказала я. — Просто эта область человеческой деятельности мне мало знакома, поэтому я плохо представляю, что может тревожить филателиста. Единственное, что приходит в голову... У вас украли марки? Кормильцев сгреб в кулак кепку и с огромной досадой хлопнул ею по колену.— В том-то и дело! — воскликнул он. — Именно украли! Самым бессовестным и циничным образом! Меня околпачили, как школьника! И знаете, где это случилось? — взволнованный в посетитель уставился на меня так, словно собирался сообщить нечто совершенно невероятное.— И где же? — осторожно спросила я.— У меня дома! — объявил Кормильцев. Наверное, мне не очень удалось изобразить потрясение, потому что взгляд Николая Сергеевича сделался разочарованным...»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Светлана Алешина

Доктора вызывали?

Глава 1

Нельзя сказать, чтобы я как-то особенно любила осень. А уж в такой день, как этот – когда с утра льет дождь и все буквально валится из рук, – осень кажется невыносимой.

Во-первых, почему-то не завелась машина, и я поняла, что до редакции придется добираться на общественном транспорте. Во-вторых, сломался зонт, и мне пришлось мокнуть на остановке в ожидании троллейбуса, которого все не было и не было. В-третьих, я никак не могла поймать ни одного «частника». Эти, прошу прощения, мерзавцы как сговорились с утра – никто не останавливался, все тоже торопились на работу, не обращая на меня никакого внимания. В-четвертых, в проклятом транспорте меня едва не втянули в бессмысленный скандал, возникший из ничего, на пустом месте – просто потому, что всем было мокро, тесно и никому не нравилась осень. Только собрав в кулак всю свою волю, мне удалось благоразумно дистанцироваться от общей свары. Но настроение было окончательно и безнадежно испорчено.

За окном троллейбуса расстилалось мутное серое пространство, иссеченное косыми штрихами дождя. Иногда из этого марева выныривало приземистое тело автомобиля, будто обтянутое лягушачьей кожей – мокрой и блестящей. Редкие прохожие бежали по тротуарам – казалось, их увлекают за собой надутые ветром черные купола зонтов. В парках дрожали и раскачивались деревья, сбрасывая последнюю поблекшую листву.

Примерно то же уныние царило и в моих мыслях, причем уныние это было, я бы сказала, всеобъемлющим и касалось всех сторон жизни. С моей эффектной широкополой шляпы текло, красивый новый плащ безобразно помят в давке, сапоги заляпаны грязью. Тут же некстати вспомнились и зонт, и закапризничавшая машина, и то, что в портфеле редакции материалов хватит от силы на два номера, а дальнейшее будущее так же туманно, как пейзаж за окном.

Последнее опасение, впрочем, не покидает меня все время – с тех пор, как я начала работать в газете. Живое существо не может существовать без воздуха, воды и пищи. Газета погибает без сенсаций. Особенно газета, подобная той, что я возглавляю, – посвященная криминальным новостям.

Нельзя сказать, чтобы в таких новостях ощущался недостаток. Но популярность любого издания определяет его оригинальность, способность представить неожиданный, не замеченный другими или, как говорят теперь, эксклюзивный материал.

Когда сенсаций нет, их приходится искать, порой буквально выцарапывать из ничего – из какого-то намека, слуха, короткой строчки милицейской сводки. Наш маленький коллектив давно превратился в некий вариант сыскного бюро. Мы ходим по следу преступников, добываем улики и собираем показания свидетелей. На нашем счету не одно происшествие, раскрытое от начала и до конца. Без ложной скромности могу сказать, что в городе мы давно заработали репутацию сыщиков, которые могут справиться с любой загадкой и берутся за дело там, где отступает милиция.

Возможности наши, конечно, преувеличены, но то, что нам часто приходится конкурировать с представителями правоохранительных органов, – чистая правда. Однако тому есть простое объяснение: во-первых, нам некуда деваться – материал для газеты добывать надо, хоть умри, а во-вторых, люди охотнее идут на контакт с нами, с журналистами. Сейчас милиция вызывает у населения не слишком большое доверие. Лично я таких настроений не разделяю, прекрасно отдавая себе отчет в том, что даже сто газетчиков не заменят одного милиционера и что на самом деле мы далеко не всесильны.

Органы же правопорядка довольно ревниво относятся к нашей популярности, всегда рады, как говорится, ставить палки в колеса, относятся к нам с пренебрежением, называя исключительно неприятным словом – «папарацци», и вообще недолюбливают. Это мне тоже кажется странным, так как в конечном счете дивиденды от наших поисков получает все-таки милиция.

Имея устойчивую репутацию, наша редакция на первый взгляд могла бы рассчитывать на постоянный приток сенсационного материала. Но на самом деле все не так просто. Криминальная жизнь носит сугубо стихийный характер, и предсказать тут ничего невозможно. Может быть, она управляется какими-нибудь вспышками на солнце, но, к сожалению, у нас в штате нет астронома.

Конечно, смешно и нелепо требовать от криминального мира упорядоченной «работы», но факт остается фактом – вот уже два месяца, как нашу редакцию лихорадит из-за отсутствия свежего материала. Поэтому не одна лишь скверная осенняя погода была сегодня причиной моего плохого настроения.

Между тем дождь не унимался. В этом я смогла убедиться, выйдя на своей остановке. Отворачиваясь от холодных брызг, летевших в лицо, я в ускоренном темпе пересекла мостовую и свернула в тихую улочку, которая выходила к фасаду здания с высоким каменным крыльцом, где помещалась наша редакция. Сейчас улочка могла считаться тихой только относительно, потому что по ней носился холодный ветер, сердито шумя в кронах деревьев, и с удручающим постоянством ударялись об асфальт капли дождя.

Проклиная все на свете, я взбежала по ступенькам и взялась за ручку двери, возле которой на стене среди прочих красовалась и табличка с названием нашей газеты – «Свидетель». С облегчением я вошла в сухой и теплый вестибюль и сразу же направилась к себе в редакцию.

И тут постепенно стало выясняться, что жизнь не так безнадежна и плоха, как казалось. Первым признаком, указывающим на это, был ароматный густой запах кофе, который наполнил помещение редакции. Это был изысканный жизнеутверждающий аромат, в принципе примиряющий с любыми невзгодами. Такой чудесный кофе умеет варить один человек в мире – моя секретарша Маринка, очаровательное создание лет двадцати пяти, притягивающее мужчин, как стоваттная лампочка – насекомых. С чашки кофе неизменно начинается мой рабочий день, что служит как бы залогом моей работоспособности. Привычка эта превратилась уже в своего рода условный рефлекс, так что теперь один только запах кофе наполняет меня энергией и уверенностью.

Едва я вошла, как тут же последовал второй положительный импульс – наш курьер Ромка, юноша семнадцати лет, удивленно вытаращился, не сразу признав меня в новом плаще и шляпе, а потом скупно сообщил, что я «классно выгляжу». При всей лаконичности это, несомненно, был комплимент, и мое настроение поднялось еще на несколько градусов.

Одновременно ко мне подошел Сергей Иванович Кряжковский – самый опытный и самый старший работник редакции – и со старомодной учтивостью помог мне освободиться от мокрого плаща, посетовав на безобразие, которое творится на улице.

К нему присоединилась и Маринка, выразившая недоумение тем, что я разгуливаю по улицам без зонта.

– Такое возможно, Ольга, – авторитетно заявила она, явно издеваясь, – только в одном случае – если ты влюбилась!

Эта мысль меня весьма позабавила, но я поспешила разочаровать романтически настроенную секретаршу.

– Есть еще один вариант, – заметила я. – У меня просто сломался зонт. Машина, кстати, тоже.

Между прочим, теперь эти неприятности уже не казались мне столь непоправимыми. Названные вслух, они потеряли свой роковой характер и тут же отошли на задний план. В кругу

единомышленников проблемы выглядели вполне решаемыми, и у меня даже появилось предчувствие, что и в профессиональном плане нас сегодня непременно ожидает какой-то сюрприз.

То, что предчувствие меня не обмануло, выяснилось совсем скоро, но до этого я успела выпить долгожданный кофе и даже немного потрепаться с Маринкой относительно моих обновок, а также насчет женской моды вообще. Этой слабости подвержены даже такие деловые женщины, как мы с Маринкой. Пожалуй, наша беседа даже непозволительно затянулась. Мы осознали это в тот самый момент, когда нас довольно бесцеремонно прервал фотограф Виктор, высокий, худой и мрачноватый мужчина, который, заглянув в кабинет, кратко объявил:

– Посетитель, – после чего запустил в дверь смущенного и растерянного человека в плаще, кожаной кепке и в роговых очках.

Увидев перед собой двух молодых и, не побоюсь такого определения, симпатичных женщин, он смешался и беспомощно оглянулся, ища глазами Виктора и, по-видимому, рассчитывая на его поддержку. Но того уже и след простыл – Виктор, скорее всего, скрылся у себя в фотолаборатории. Растерянно потоптавшись на пороге, посетитель напряженно сдвинул брови и заморенным голосом осведомился, с кем бы он мог поговорить.

– А с кем бы вы хотели поговорить? – в свою очередь поинтересовалась я. – И, кстати, о чем?

– Ну-у, я не знаю, – пробормотал мужчина, делая шаг вперед. – Мне говорили, что сюда можно обратиться по поводу... м-м... деликатной проблемы... Не знаю, ясно ли я выражаюсь, но у меня именно деликатная проблема.

– Вы стали жертвой преступления? – подсказала я.

Мужчина сделал еще один шаг к моему столу и как-то судорожно кивнул.

– Именно так, – подтвердил он. – Именно жертвой преступления! Значит, я не ошибся?

– Не хочу вас обнадеживать, – сказала я, – пока не узнаю всех обстоятельств дела... Да вы присаживайтесь!

Посетитель посмотрел на меня с благодарностью, но тут Маринка внесла совершенно невинное предложение:

– Наверное, плащ будет вам мешать? Вы могли бы раздеться в соседней комнате...

Мужчина неожиданно снова растерялся и испуганно отступил к двери, нащупывая пуговицы на плаще. Он напоминал переполошившуюся птицу, которая вот-вот улетит.

– Вы можете бросить плащ на спинку кресла, – предложила я. – Или, если вам так удобнее, можете вообще не раздеваться.

– В самом деле? – недоверчиво спросил посетитель. – Если вы не имеете ничего против... Я совсем ненадолго...

Предупреждая дальнейшие «провокации» со стороны Маринки, он поспешно юркнул в кресло и оставил в покое свой плащ, сняв только с головы кепку и аккуратно положив ее на колени.

– Кормильцев Николай Сергеевич, – наконец представился он, помаргивая сквозь толстые стекла очков. – Предприниматель, в некотором роде... У меня цветочный магазин на Советской. По образованию химик. Вот такие причудливые повороты судьбы... Но главная страсть моей жизни – марки. Я филателист с тридцатилетним стажем.

– Ольга Юрьевна Бойкова, главный редактор, – отрекомендовалась я. – Позвольте узнать, в каком качестве удобнее сейчас вас рассматривать – владельца магазина, химика или...

– Филателиста, – подсказал Кормильцев. – Именно в этом качестве я пострадал.

– И какие же неприятности бывают у филателистов? – поинтересовалась я.

В маленьких глазках Кормильцева сверкнула обида.

– Э-э... я понимаю, что многим людям увлечение знаками почтовой оплаты кажется просто блажью... – с неожиданным запалом произнес он. – Но поверьте, для нас это очень серьезно! Нужно понимать душу коллекционера! И потом, марки – это ведь история. Реальная,

зримая история, которую, грубо говоря, можно пощупать руками. Грубо говоря, потому что упаси бог трогать марку руками! Только специальным пинцетом!

– Простите, я вовсе не хотела вас обидеть, – сказала я. – Просто эта область человеческой деятельности мне мало знакома, поэтому я плохо представляю, что может тревожить филателиста. Единственное, что приходит в голову... У вас украли марки?

Кормильцев сгрел в кулак кепку и с огромной досадой хлопнул ею по колену.

– В том-то и дело! – воскликнул он. – Именно украли! Самым бессовестным и циничным образом! Меня околпачили, как школьника! И знаете, где это случилось? – взволнованный в посетитель уставился на меня так, словно собирался сообщить нечто совершенно невероятное.

– И где же? – осторожно спросила я.

– У меня дома! – объявил Кормильцев.

Наверное, мне не очень удалось изобразить потрясение, потому что взгляд Николая Сергеевича сделался разочарованным. Видимо, собственный дом представлялся ему совершенно неподходящим местом для махинаций. Может быть, он был прав.

– Да, да, – поспешно сказала я, как бы поддерживая его удивление невероятностью происшедшего. – Наверное, имеет смысл рассказать обо всем подробнее. Только прежде один вопрос – почему вы не обратились в милицию?

– В милицию? – озадаченно переспросил Кормильцев.

У него был вид человека, наступившего в темноте на грабли. Лицо с пухловатыми щеками и намечающимся вторым подбородком выразило беспокойство и муку.

– Есть некоторые обстоятельства... – потерянно произнес он, оглядываясь на дверь, – которые заставили меня воздержаться от этого...

Мне не очень понравилось столь уклончивое объяснение.

– Звучит так, будто вы сами нарушили закон, Николай Сергеевич? – заметила я. – Боюсь, тогда мы ничем не сможем вам помочь.

– Ну что вы! – криво улыбнулся Кормильцев. – Перед вами абсолютно законопослушный гражданин. Я никогда не вступал в конфликт с законом, уверяю вас! Ни разу даже «зайцем» не проехал в троллейбусе... Просто... э-э... кроме всего прочего, у меня похищены бумаги весьма личного характера... Письма. Интимная переписка, понимаете? Я опасаюсь, что в случае огласки об их существовании может узнать моя жена, и тогда все пропало! – Он обвел нас с Маринкой неуверенным взглядом и уточнил: – Может быть, женская солидарность... э-э... заставляет вас отнести это к нарушению закона?

Мы переглянулись. По Маринкиным глазам я поняла, что она придерживается именно такого мнения. Но окончательное решение оставалось за мной.

– Разумеется, нет, – ответила я. – Ваши личные дела нас не касаются. Если действительно все проблемы только в этом, мы попробуем вам помочь. Только должна сразу предупредить – никаких гарантий мы не даем.

Кормильцев на секунду замер. Похоже, эта простая мысль поразила его.

– Вот как? – пробормотал он. – Гм... Ну что ж... Да, я понимаю... Но ведь шансы есть, не правда ли?

– Хотелось бы узнать все обстоятельства дела, – пояснила я. – Когда и как все произошло, кого вы подозреваете и так далее...

– Понимаю, – кивнул Кормильцев. – Попробую объяснить. Все началось месяца полтора назад. Знаете, в наше время возможности коллекционера до некоторой степени расширились. Если раньше решающую роль играли личные контакты и переписка, то теперь появился Интернет. Я говорю – до некоторой степени, потому что ничего революционного, конечно, не произошло. Коллекционеры – народ осторожный. Обмен информацией увеличился, но раздобыть интересующую вещь так же трудно, как и двадцать лет назад. А может быть, даже труд-

нее. Почему-то Интернет притягивает к себе аферистов, как банка с медом притягивает мух. Наверное, из-за полной анонимности, которую он гарантирует. Я это всегда учитывал. Вернее, мне казалось, что учитывал.

Итак, выйдя на сайт, которым пользуются филателисты, я как-то обратил внимание на объявление о распродаже обширной коллекции марок неким Траубергом. Никаких конкретных сведений он не сообщал, лишь без ложной скромности заверял, что располагает очень ценными и редкими экземплярами. Держать контакт предлагал через электронную почту.

Распродажа редких коллекций – дело достаточно необычное. Тем более удивительно, что осуществлялось оно таким странным образом. Дело в том, что все филателисты, как правило, знают обо всех значительных коллекциях, и если возникает такая уникальная ситуация – продажа коллекции, все становится немедленно известно. То есть никакой надобности давать объявление нет – у вас и так не будет отбоя от покупателей. А в данном случае это, скорее, напоминало сезонную распродажу в магазине.

Тем не менее мне стало любопытно. Чем черт не шутит, подумал я, может быть, солидное собрание попало в руки каких-то лохов, и теперь они хотят от него поскорее избавиться? О таких случаях мне приходилось слышать, но сталкиваться с подобным до сих пор не доводилось.

Я отправил письмо по электронной почте, чтобы уточнить детали. Мне назначили встречу, а заодно выяснилось, что и неведомый Трауберг, и сама коллекция находятся здесь, в Тарасове. Меня это поразило – в нашем-то городе я знаю каждого мало-мальски солидного любителя. Было странно, как случилось, что известие о таком событии, как продажа коллекции, прошло мимо моего внимания.

Впрочем, я до последнего момента не исключал варианта, что это какая-то афера. Настораживало и то, что встреча была назначена на железнодорожном вокзале. Однако я решил пойти. Во-первых, меня вело любопытство, а во-вторых, я ничем не рисковал – ничего ценного с собой я не брал.

На вокзале меня ждали двое – высокий немногословный брюнет с красивым печальным лицом, очень хорошо, со вкусом, одетый, и невзрачный его приятель в потрепанном костюмчике, но при галстуке. Этот второй человек был невысок, узкоплеч, с жиденькой русой бородкой на интеллигентном лице. Он все время застенчиво улыбался и был похож на участкового врача или школьного учителя.

Брюнет назвался Леонидом Марковичем Траубергом, а приятеля представил просто как Сергея Михайловича. Через две минуты мне все было ясно – в филателии оба не смыслили ни черта. Правда, они этого и не скрывали. Трауберг извиняющимся тоном сообщил, что коллекция досталась ему по наследству от деда, отставного адмирала, а поскольку к маркам сам он не испытывает никакой страсти, то не прочь распродать коллекцию, тем более что сейчас весьма нуждается в деньгах.

А далее произошло нечто совсем странное. На мой вопрос, когда я могу ознакомиться с коллекцией, Трауберг ответил, что сейчас уезжает в двухнедельную командировку, и предложил связаться через полмесяца, опять же с помощью электронной почты. Ни телефона, ни адреса он мне не дал, сославшись на то, что временно проживает у сестры, а там встречаться не совсем удобно. Я попытался хотя бы приблизительно выведать у него содержание коллекции, но Трауберг отделался весьма туманными фразами, сказав только, что «там всего полно».

На сем мы и расстались. Трауберг с приятелем заспешили на перрон – объявили посадку на московский поезд, а я отправился домой, испытывая некоторое недоумение от встречи. С одной стороны, эти люди произвели на меня благоприятное впечатление – и поведение, и речь указывали на то, что я имею дело с интеллигентами. Но, с другой стороны, обстоятельства нашего свидания и неопределенные перспективы вызвали смутное беспокойство.

Теперь-то я думаю, что на вокзале они просто меня кому-то демонстрировали. Человеку, который меня достаточно хорошо знал, разбирался в филателии и мог точно сообщить, на что я могу клюнуть.

Прошло две недели. Как и было договорено, я отправил письмо по электронной почте, и Трауберг опять назначил мне встречу. Место он снова выбрал совсем неподходящее – городской парк. Погода стоит, сами знаете, какая – холодно, каждый день дождь, ветрено... Как при таких условиях знакомиться с драгоценной коллекцией?

Впрочем, я решил твердо – если этот «чайник» будет и дальше морочить мне голову, я решительно прерву с ним всякие отношения. То есть отправился на свидание я скорее для проформы.

Трауберг ждал меня на главной аллее парка. Он был все с тем же приятелем. Оба сидели под зонтами, потому что шел дождь. Я поинтересовался, куда мы пойдем, но Трауберг меня огорошил, сообщив, что взял кое-какие образцы с собой. Идти он никуда не мог, потому что опять куда-то спешил. Не помню уж, какое объяснение он выдвинул на этот раз, но прозвучало оно достаточно правдоподобно.

Что ж, делать было нечего. Конечно, я был очень разочарован и сердит на этих дилетантов. Мы же не школьники, обменивающиеся на перемене марками ценой в пять копеек! Впрочем, к тому времени я был уверен, что ничего ценного в их коллекции нет.

Они достали из чемоданчика альбом и прикрыли его зонтом. Тут выяснилась еще одна странная вещь – все марки, которые они захватили с собой, были запаяны в пакеты из толстого полиэтилена, видимо, для пущей сохранности.

Вначале я окончательно решил, что впустую убил время. Передо мной была хаотическая подборка ярких, но довольно банальных марок, которые могли прельстить в лучшем случае начинающего филателиста, но никак не знатока. Вяло перелистав несколько страниц, я уже собирался сообщить, что предлагаемый товар мне не интересен, как вдруг меня точно кипятком ошпарило!

Тут я должен пояснить: ни один уважающий себя коллекционер не собирает все марки подряд. Как правило, выбирается какая-то тематика, какая-то одна жила, и она разрабатывается уже до конца. Моя тема – фауна. Причем не весь животный мир – это практически необъятная тема! – а животный мир Заполярья. И еще один важный момент – для каждого филателиста всегда существует некая марка, которая является чем-то вроде недостижимого идеала. Вы можете собрать огромную коллекцию, но если в ней не окажется этого раритета, покоя вам не будет до гробовой доски. Вас замучает ощущение обделенности, неполноценности, чего угодно... до тех пор, пока не удастся раздобыть эту возделенную марку.

В моем случае, то есть для меня такой раритет – детская серия начала века с полярным медведем. Три марки – синяя, фиолетовая и черно-белая – с изображением медведя, стоящего на льдине. По случайности на части тиража серии забыли напечатать цену. Именно эти бракованные марки стали настоящей редкостью. Во всем мире их существует десятка три. Заполучить их в коллекцию – почти безнадежное дело.

И вдруг в альбоме у этого придурка я вижу медведей! Синего и фиолетового. Без цены. Признаюсь откровенно – я едва не потерял сознание. Осень, ветер... скамейка в парке... спякоть под ногами... – драгоценные для меня мишки... Этого не может быть, подумал я тогда, мне они мерещатся.

Я попросил рассмотреть марки поближе. Взял в руки полиэтиленовый пакет... Понимаете, эти негодяи все точно рассчитали – марки запаяны, освещение неважное, а я вижу в первую очередь то, что хочу видеть. В общем, кое-какие подозрения еще оставались, но превалировал, конечно, шок – я держу мое сокровище в руках и, кажется, имею возможность стать его владельцем.

Однако оставалось два «но» – цена и наличие третьей марки из серии. Две, без черно-белой, это, знаете ли, не совсем серьезно. Зато все три должны стоить бешеных денег. Нужно было во что бы то ни стало убедить Тауберга, что медведи большого интереса не представляют, как, собственно, и вся коллекция.

Я изложил это весьма авторитетным тоном, а потом как бы невзначай поинтересовался, не забыл ли он черно-белого медведя дома.

– Неполная, эта серия вообще ничего не стоит! – веско заявил я.

Трауберг и его приятель слушали меня с величайшим вниманием, я бы даже сказал, с подобострастием. Ну как я мог в ту минуту догадаться, что передо мной мошенники?!

В ответ на мои слова Трауберг смущенно признался, что действительно не стал брать с собой третью марку с медведем, решив, что двух одинаковых вполне достаточно. Это просто-душие взбесило меня, но я заставил себя сдержаться и предложил встретиться в нормальной обстановке, чтобы познакомиться с коллекцией подробнее. И, представьте, не нашел ничего лучше, как пригласить этих двоих к себе домой. «Возьмите с собой несколько альбомов, – снисходительно поучал я. – И обязательно захватите всех трех медведей. Если они окажутся в неплохом состоянии, может быть, я их возьму».

Может быть! Да я душу бы продал, чтобы завладеть этой серией! Да что душу – магазин бы свой отдал. Я так разволновался, что у меня началось сердцебиение. Весь вечер пил валерьянку и корвалол, а ночью не мог заснуть. Вообще все последующие дни я находился в состоянии, близком к инфаркту.

И все же я не забыл об осторожности. Чтобы подстраховаться, решил пригласить на экспертизу троих знакомых, опытных филателистов. Конечно, я не стал говорить заранее, в чем дело, чтобы не разжигать зависть. Коллекционеры люди вообще-то завистливые и безжалостные, но если их поставить перед фактом, что именно я претендую на серию, они уже не посмеют плести интриги. Это уж профессиональная этика!

К сожалению, никто из них не мог прийти: один лежал в больнице, второй только что дал жене клятву целую неделю сидеть дома, третий тоже отказался... В общем-то я не очень расстроился. В конце концов, опыт у меня есть, оригинал от подделки отличить сумею.

В назначенный день явились мои новые знакомые. У Трауберга в руках был черный кейс из кожаменителя, а у его приятеля – плоский чемоданчик, похожий на ноутбук. Они держались все так же – немного церемонно и смущенно.

Я чувствовал себя хозяином положения, но сердце все-таки колотилось как бешеное. Мы с гостями прошли в кабинет, а жена осталась торговать в магазине – у нас квартира в том же доме, что и магазин. В кабинете я предложил посетителям по рюмочке, надеясь ослабить их бдительность. Какая ирония судьбы! Ладно, перехожу к основному...

Стараясь казаться равнодушным, я спросил Трауберга, принес ли он, что обещал. Тогда его спутник поставил передо мной свой чемоданчик и открыл крышку. Помню, это меня слегка удивило. Внутри, кажется, на самом деле оказался прибор...

Здесь Кормильцев прервал свое повествование и виновато уставился на меня.

– Простите, а что значит «кажется»? – недоуменно спросила я. – Вы не успели рассмотреть, что находилось в чемоданчике?

Кормильцев суетливо поправил на переносице роговые очки и наклонился к столу.

– Видите ли, какое дело... – испуганно понизив голос, произнес он, – не успел... То есть припоминаю, что там был экран и он светился. А потом вдруг мне стало плохо, в голове все затуманилось, и я вроде бы отключился...

– С вами никогда прежде такого не случалось? – быстро спросила я. – Как у вас со здоровьем?

– Здоровье, конечно, уже не то, что в молодости, – сказал Кормильцев. – Но особо не жалуюсь. А таких номеров раньше не отмечалось ни разу.

– А вот то, что вы называли «по рюмочке»? – напонила я. – Сами-то вы тоже выпили?

– Только пригубил, – ответил Кормильцев. – Нет, дело не в этом. А в чем – не пойму до сих пор. Как будто провалился в какую-то яму.

– И что же было дальше? – спросила я.

– Когда я очнулся, то еще некоторое время приходил в себя, – продолжил рассказ Кормильцев. – Было ужасно мутно, и я попросту ничего не соображал. Точно с перепоею или после глубокого сна. Наверное, минут десять-пятнадцать пытался сориентироваться, пока до меня не дошло, что случилось. Гостей уже не было, сейф стоял открытый – деньги похищены и то, о чем я вам говорил, тоже. Пропало еще несколько марок. Можно было ожидать, что эти негодяи хапнут все альбомы подчистую, но они предпочли забрать лишь несколько особо ценных экземпляров. Но это выяснилось уже на следующий день. А тогда я отправился в магазин, куда можно пройти прямо из квартиры, и спросил жену, как давно ушли посетители. Она очень удивилась и сказала, что почти сразу – вежливо попрощавшись и сообщив об окончании переговоров. Ей и в голову не пришло заподозрить нечто необычное.

– И как же вы поступили? – поинтересовалась я.

– Честно говоря, никак, – развел руками Кормильцев. – Меня охватило странное безразличие ко всему. Целый вечер у меня раскалывалась голова и страшно хотелось спать. Я не стал поднимать никакого шума, даже жене ничего не сказал. Лег пораньше и заснул как убитый. Это уж потом до меня дошло, как я влип. Предпринять какие-то меры я решил только вчера. Один знакомый посоветовал. В принципе я не афиширую, что со мной случилось. Во-первых, стыдно, а во-вторых, боюсь, вдруг эти мошенники пустят в ход... э-э... письма... Поэтому, если чего, я вас прошу – вы уж, пожалуйста, поделикатнее как-нибудь...

Визитер замолк и с надеждой посмотрел на меня.

Я не сразу нашлась, что ему сказать. Несомненно, то, что случилось с господином Кормильцевым, представляло интерес и даже могло претендовать на определение его истории как загадочной. Но прежде чем обнадеживать человека, мне хотелось посоветоваться с коллегами.

– Знаете что? – сказала я после некоторого раздумья. – Оставьте мне свой номер телефона. Мы здесь все обсудим, и я перезвоню вам.

Кормильцев полез в карман и с готовностью протянул мне визитную карточку. Но лицо его выражало огорчение.

– Выходит, вы можете мне отказать? – пробормотал он. – Обидно.

– Обидней будет, если я пообещаю, но ничего не смогу сделать, – ответила я.

Глава 2

Беседу с Кормильцевым я предусмотрительно записала на диктофон, поэтому наши мужчины могли ознакомиться с обстоятельствами дела во всех подробностях. Отреагировали на запись все, конечно, по-разному.

Как обычно, самым эмоциональным оказался Ромка, который в глубине души считает скромную должность курьера досадным недоразумением в своей биографии и втайне претендует на репутацию великого сыщика. Он завелся с ходу и, кажется, был готов немедленно бежать по следу преступников.

– Разумеется, мы должны их найти! – заявил он категорически, без оглядки на субординацию. – И чем скорее мы за это возьмемся, тем лучше! Время и так упущено. Не мне вам объяснять, что промедление сводит шансы найти мошенников к минимуму.

Я невольно улыбнулась. Похоже, Ромка уже считал наше участие в расследовании делом решенным и лишь сетовал на нашу нерасторопность.

Виктор, как всегда, пожал плечами и задал единственный вопрос:

– Уточнить – почему он боится милиции?

Наш фотограф некогда служил в войсковой разведке и участвовал в афганской войне. Наверное, оттуда «родом» его немногословность, уверенность и решительность действий в критических ситуациях. Когда дело доходит до рукопашной или наружного наблюдения, ему нет равных. Однако лавры Шерлока Холмса его несколько не прельщают, Виктор с большей охотой предпочитает возиться с фотоаппаратом и химикалиями. Кстати, фотограф он замечательный.

Вопрос, который он сейчас задал, смущал и меня. Вообще, подобный вопрос зачастую заставляет нас ломать голову. В том, что люди обращаются к нам за помощью в обход официальных органов, всегда кроется потенциальная ловушка. Можно сказать, в таких случаях мы сами часто ходим на грани законности.

– Ты же слышал, – напомнила я, – украдены любовные письма, и он боится, что об этом узнает жена.

– Не представляю, какая женщина может польститься на этого колобка, – задумчиво произнесла Маринка. – Я понимаю, когда мужчина высокий, широкоплечий, с ясными и чистыми глазами...

В общем, портрет ее идеального мужчины был нам хорошо известен, поэтому я сразу перебила секретаршу, напомнив:

– Любовь зла, как гласит известная пословица. Не все женщины столь разборчивы...

Виктор согласно кивнул и тут же резонно отметил еще одну странную вещь в истории Кормильцева:

– Кто сейчас пишет письма?

Замечание, что называется, в самую точку. Действительно сложно было представить себе любовников, которые в наш рациональный век обмениваются пылкими посланиями и бережно хранят их. Меня тоже смущал этот момент, и я сразу заподозрила, что Кормильцев лукавит и письма просто выдумал.

– Вопрос даже не в том, кто их пишет, – подал голос Кряжимский. – Что-то здесь другое. Судя по рассказу, похищение было целенаправленным – деньги, ценные марки. Поэтому мне представляется сомнительным, чтобы преступники стали обременять себя письмами, значения которых они не знают.

– Почему не знают? – не преминул поинтересоваться Ромка.

– У них не было на это времени, – хладнокровно пояснил Кряжимский. – Все произошло очень быстро, в течение нескольких минут. А заранее они тоже вряд ли могли о них разузнать – о такой переписке обычно не распространяются даже среди друзей.

Сергей Иванович обладает именно тем, что Ромка обыкновенно приписывает себе, – аналитическим умом. Кроме того, он накопил неоценимый жизненный опыт и является буквально кладезем информации. Пожалуй, Кряжимского без преувеличения можно назвать мозгом нашей редакции.

– Полагаете, у этой парочки был наводчик? – спросила я.

– Скорее всего, – задумчиво проговорил Кряжимский. – По-моему, мы имеем дело с хорошо продуманной аферой, вдобавок с применением технических средств. Судя по всему, мы имеем дело с необычным преступлением. Первое впечатление не обмануло Кормильцева – он столкнулся с интеллигентными людьми. Заметьте, они не стали бить его кистенем по голове, не стали приставлять нож к горлу...

– А что? Что они с ним сделали? – вскричал Ромка, уверенный, что тут же получит исчерпывающий ответ.

Кряжимский грустно посмотрел на него и сказал:

– Вполне возможно, это и есть самая главная загадка. Лично мне пока ничего не приходит в голову. Может быть, у тебя есть какие-то предположения?

Ромка уже успел открыть рот, но я поспешно сказала:

– Предположений у Ромки, как я догадываюсь, целый вагон. Но сначала нужно решить – беремся мы за это дело или нет? Я ведь намеренно не стала выяснять у Кормильцева всех подробностей. Если мы устранимся, они нам ни к чему, не так ли?

На лице у Ромки мелькнуло разочарование, мгновенно сменившееся выражением надежды, когда Кряжимский негромко заключил:

– Мне кажется, устраняться нам не стоит. Дело может получиться интересным. Предполагаю, что Кормильцев не единственная жертва мошенников. Но следует помнить об одном – возможно, он не был в рассказе до конца искренним, и поэтому есть опасность оказаться втянутыми в какую-то махинацию. Мы должны быть бдительны.

В конце концов решение приняли единогласно. Конечно, полной уверенности в том, что нам удастся стяжать лавры в новом деле, ни у кого, кроме Ромки, не было, но такое ощущение возникает в начале каждого расследования, и я уже привыкла не обращать на это внимания.

Мы договорились, что прежде всего я навещу Кормильцева у него дома и уточню подробности на месте. Кряжимский намеревался по своим каналам выяснить все, что возможно, о личности самого Кормильцева и о его бизнесе. Виктор с Ромкой должны были разузнать через адресный стол, сколько в городе Тарасове проживает человек по фамилии Трауберг, и, по возможности, провести за каждым визуальное наблюдение. Маринка тоже получила спецзадание – выйти в Интернете на сайт филателистов и попытаться отыскать там следы интеллигентной парочки.

Виктор был так любезен и самоотвержен, что отдал мне свою машину, и я смогла немедленно выехать на место – без оглядки на скверную погоду. Кстати, я даже поймала себя на мысли, что от моего плохого настроения не осталось и следа. Лишний раз подтвердился известный тезис – для душевного здоровья требуется лишь дело, которое захватывает тебя без остатка.

Цветочный магазин на Советской был мне хорошо знаком. Правда, до сих пор я не рассматривала его в контексте криминальных отношений. Да и вряд ли кому пришла бы в голову такая мысль при взгляде на этот, прямо скажем, небойкий магазинчик под скромной вывеской и с небольшой витриной, за стеклом которой умиротворенно склоняли головки экзотические цветы.

Я остановила машину как раз напротив витрины и торопливо направилась в магазин – дождь все еще лил, и на улице было совсем неуютно.

Входная дверь, открывшись, сопровождала мои шаги мелодичным звоном. Через все небольшое помещение тянулся прилавок, заставленный емкостями с цветами различных форм и расцветок. Но я заметила и букеты из пышных роз, как будто горевших в глубине магазинчика теплым солнечным светом.

За прилавком среди всего этого великолепия стояла женщина лет сорока пяти с румяным круглым лицом, полноту которого подчеркивала короткая стрижка. Можно было бы сказать, что черты этого лица выражают спокойствие и добродушие, если бы не складка озабоченности между бровей. Казалось, хозяйка цветов размышляет над очень серьезной проблемой.

Я поздоровалась и спросила, на месте ли Николай Сергеевич. Женщина бросила на меня быстрый настороженный взгляд и чуть помедлила с ответом.

– А вы по какому вопросу? – наконец вопросом на вопрос ответила она, оглянувшись на дверь, ведущую в соседнее помещение.

Если это была супруга Кормильцева, то, по-видимому, она уже все знала об ограблении. Но я ответила уклончиво:

– Видите ли, мы совсем недавно с ним разговаривали, а теперь я хотела бы кое-что уточнить. Моя фамилия Бойкова.

Карие глаза женщины как будто оттаяли, но одновременно на лице ее появилась скептическая гримаска.

– Ах, вот что! – со вздохом сказала она. – Как-то я сразу не сообразила... Николай Сергеевич недавно приехал. Сейчас я посмотрю, там ли он... – и женщина поспешно направилась в соседнюю комнату.

Буквально через минуту оттуда выкатился сам Кормильцев с выражением тревоги на лице. Если бы не его роговые очки, то можно было сказать, что супруги похожи друг на друга, как брат с сестрой. Впрочем, говорят, так часто бывает при долгой совместной жизни.

– Это вы? – произнес Кормильцев удивленно. – Признаться, не ожидал увидеть вас так скоро. Вы что-то хотите мне сказать?

Супруга выглядывала из-за его плеча, точно напуганная птица. По-моему, моя персона вызывала у нее какие-то неприятные ассоциации.

– Вы угадали, – ответила я. – Я хочу сообщить, что наш ответ будет положительным.

– Ну и отлично! – с облегчением сказал Кормильцев. – Вы сняли с моей души камень.

– Нет-нет, – предупредила я. – Никаких оптимистических прогнозов. Все еще настолько неопределенно...

– Вот именно, – неожиданно подала голос супруга. – Между прочим, я говорила то же самое. И вообще, стоит ли тревожить людей? Вешать на них наши проблемы? – Она послала мне дежурную улыбку и добавила полуутвердительно: – К тому же все это, наверное, влетит в копейку?

– Помолчи, Алевтина! – резко прикрикнул Кормильцев и, как бы извиняясь, обратился ко мне: – Это жена моя – Алевтина Ивановна. Советует на все плюнуть и выбросить происшедшее из головы... Естественно – она женщина, ей никогда не понять коллекционера. Мне жаль не денег и даже не тех марок, которые украли эти мерзавцы! Вы не поверите, но я до сих пор страдаю от того, что так и не сумел стать обладателем вожаденной серии!

– Может быть, мы поговорим об этом у вас в кабинете? – предложила я.

– Да-да, разумеется! – спохватился Кормильцев и отпер незаметную дверцу в стене за прилавком. – Проходите, пожалуйста! – Пропуская меня, он похлопал жену по спине и распорядился: – Ну-ка, изобрази нам кофейку погорячее!

В кабинет из магазина вел узкий душный коридорчик, в котором даже не было света. На секунду я представила, что должны были испытать злоумышленники, пробираясь сквозь узкий проход в магазин, после того как сделали свое черное дело.

– Своих гостей вы так же вели через этот вход? – поинтересовалась я.

– Да, – ответил Кормильцев. – Я рассчитывал, что это будет для меня гарантией. В магазине были покупатели, жена... Но, как видите, не помогло...

В кабинете Николай Сергеевич помог мне раздеться и усадил в кресло. Судя по всему, помещение служило прежде всего целям бизнеса и только «по совместительству» являлось местом отдыха. Мебель была выдержана в строгом офисном стиле – конторский шкаф с бумагами, картотека, пластмассовый стол на металлических ножках, на котором стоял компьютер, в углу – большой сейф.

– Тот самый? – спросила я, указывая на сейф. – Ваша коллекция хранится там?

– Не вся, – сумрачно сказал Кормильцев. – Здесь у меня четыре альбома с наиболее ценными марками. Впрочем, самых ценных теперь нет, – тоскливо уточнил он.

– Хотелось бы сразу же попросить у вас подробный список украденного, – сказала я. – Чтобы не работать вслепую. Кстати, у вас нет привычки переписывать номера банкнот? Это нам очень бы помогло.

Кормильцев развел руками.

– Увы... Знать бы, где упадешь... – виновато протянул он. – Зато я совершенно точно могу описать пропавшие марки.

– Будьте так любезны, – кивнула я.

Кормильцев уселся за компьютер, включил его и принялся набирать список похищенного. Я еще раз осмотрела комнату.

Кроме двери, ведущей в магазин, имелась еще одна – видимо, связывающая кабинет с жилыми помещениями. В дверь был врезан замок.

– На момент переговоров эта дверь была закрыта? – спросила я. – Если вы потеряли сознание, ваши гости могли ведь поорудовать и в других комнатах?

– В принципе могли, – согласился Кормильцев. – Ключи от всех замков у меня в одной связке. Они обшарили мои карманы, чтобы их достать. Но дальше кабинета они не пошли. Все произошло очень быстро. Вот хотя бы у жены спросите...

В кабинет как раз вошла Алевтина Ивановна с подносом, на котором стояли кофейник, чашки и сахарница.

– Что такое? – поинтересовалась она, опуская поднос на пустой письменный стол. – Ах, вы об этих мерзавцах? Да, они не засиживались! По правде сказать, я не успела их толком рассмотреть. В магазине как раз были покупатели...

– Но если бы вам довелось их опять увидеть, – перебила я, – вы бы смогли их узнать?

Алевтина Ивановна задумалась, закатив глаза к потолку.

– Не могу гарантировать, – сказала она. – Пейте, пожалуйста, кофе – остынет! Один вроде был высокий, видный из себя... А второй так – шибзик какой-то с козлиной бородкой. Я и внимания не обратила. К Николаю Сергеевичу многие ходят... – Она скорбно усмехнулась. – Филателисты-террористы!

Кормильцев болезненно поморщился.

– Алевтина, я же тебя просил! – с упреком воскликнул он и, обернувшись ко мне, пояснил: – Не переносит моя жена филателистов, что ты будешь делать... Я всегда говорил: женщине нужно одно – чтобы мужчина на лопате в форточку деньги подавал, а сам мог бы и не заходить.

– Вы преувеличиваете, – улыбнулась я.

– Ничуть! – отрезал Кормильцев. – Знаю я вашего брата. И что характерно – абсолютно безразлично, чем увлекается мужчина – водкой, футболом или марками. Все отнесено в разряд пороков!

– Ты бы не философствовал, – отмахнулась Алевтина Ивановна, – а угощал даму кофе. А марки... был бы от них толк, от твоих марок. Одни убытки... Ну ладно, я пойду – кажется, там посетители.

Она скрылась за дверью, а Николай Сергеевич скорбно покачал головой.

– Ну конечно, – саркастически заметил он. – Последнее слово должно остаться за ней! Но вы не обращайте внимания – наши дразги вас не касаются. Позвольте, я налью вам кофейку? Может быть, не откажетесь от рюмочки коньяка?

Я не стала отказываться. Тем более по запаху уже было ясно, насколько кофе далек от идеала. Он явно нуждался в улучшении. Кроме того, мне было любопытно продегустировать напиток, которым угощал хозяин.

– Именно этот коньяк пили ваши гости? – поинтересовалась я, взяв в руки рюмку и рассматривая ее на просвет.

– Именно этот, – усмехнулся Кормильцев. – Вы по-прежнему полагаете, что мой коньяк мог быть отравлен? Прошу убедиться в обратном!

Мы пригубили коньяка и перешли к кофе. Мне не понравилось ни то, ни другое, но, кажется, спиртное не содержало никаких примесей. Это, впрочем, ничего не значило – отраву мошенники могли незаметно подсыпать Кормильцеву в его рюмку.

– Итак, давайте кое-что уточним, – предложила я. – У вас пропали марки... Кстати, сколько штук?

– Ровно дюжина, – с досадой сказал Кормильцев. – Но что это за марки! Если бы вы могли понять, что они значили для меня!

– Увы, чего можно ждать от женщины! – сокрушенно, в тон филателисту, проговорила я. – Но оставим пока марки в стороне. Сколько у вас похищено денег?

– В сейфе было не много, – ответил Кормильцев, – четыреста долларов и три тысячи рублей. Кстати, грабители выгребли все, что было у меня в бумажнике. Это еще двести долларов и тысяча двести рублей. Стоимость марок гораздо выше. Хотя и денег жалко, конечно. Но деньги – дело наживное, а коллекция собирается годами! – Голос его едва не сорвался.

– Не огорчайтесь, – заметила я, – мы постараемся сделать все, чтобы вернуть ваши раритеты. Теперь следующее – сколько было писем?

– Писем? – растерялся он, но тут же взял себя в руки: – Ах, писем! Ну-у, не знаю точно... Может быть, пятнадцать-двадцать...

– Они подписаны? – спросила я. – В смысле, там имеется адрес отправителя?

– Нет, что вы! – воскликнул Кормильцев. – Никаких адресов – только абонентский ящик...

– Тогда какой же интерес могут представлять эти письма для шантажистов, – удивилась я, – если по ним невозможно определить, кто и кому писал? Скорее всего, от писем уже избавились, и вам в этом смысле нечего опасаться.

– Не скажите, – покачал головой Кормильцев. – Там есть такие подробности, которые сразу же станут понятны моей жене. Я не хочу рисковать.

– Ну что ж, дело ваше, – пожала я плечами. – Пойдем дальше. С деньгами все ясно. А вот кого могли интересовать похищенные марки? Эта злосчастная дюжина?

– О-о! – воскликнул Кормильцев. – Вот вопрос, который легко задать, но трудно на него ответить. Я с ходу могу назвать полсотни фамилий...

– Подождите. Сформулируем иначе, – сказала я. – Кто знал, что марки нужно искать у вас? Искать именно в сейфе, в тех четырех альбомах? Согласитесь, поиски не заняли много времени, хотя, по вашим словам, воры ничего не понимали в филателии.

Кормильцев мрачно кивнул головой.

– Вот тут вы правы! – с жаром заговорил он. – Мне и самому эта мысль не дает покоя. Особенно когда вспоминаю первую встречу на вокзале. Я уже говорил – там меня явно показывали какому-то специалисту. Человеку, который прекрасно знает меня и, по всей видимости, хорошо знаком с моей коллекцией. Что за негодяй! Ведь он наверняка бывал у меня дома! Может быть, даже пил мой коньяк и клялся мне в дружбе... Ах, сволочи! Если бы узнать, кто этот человек, – клянусь, задушил бы его голыми руками!

В устах маленького, толстенького Кормильцева угроза звучала довольно забавно, но я подавила улыбку. Переждав, пока окончится приступ гнева у хозяина, я спросила:

– Однако, если оставить в стороне эмоции, кого вы могли бы назвать в качестве возможного наводчика? Я думаю, в вашей истории действительно замешан человек, часто бывавший у вас дома и, более того, хорошо знакомый с вашей коллекцией.

Кормильцев сорвал с лица очки и, беспомощно щурясь, принялся протирать их полой пиджака. Он был не на шутку взволнован.

– Подождите, я никак не могу собраться с мыслями, – сказал он. – Неужели кто-то мог решиться на такую подлость? Скажите, куда мы катимся?!

– Люди решаются и на еще большие подлости... – заметила я. – В нашем случае по крайней мере обошлось без кровопролития.

Кормильцев водрузил очки на нос, испуганно посмотрел на меня и опять уселся за компьютер. Пальцы его забегали по клавишам. Наконец он закончил набор, сделал распечатку и протянул мне лист бумаги, на котором подробно были расписаны приметы украденных марок, а также значился список фамилий. Их было всего четыре.

– Здесь я перечислил всех, кто хорошо ориентировался в моих филателистических делах, – хмуро сказал он. – С указанием адресов, телефонов и места работы. Вы намерены с ними встретиться?

– Обязательно, – ответила я. – Вас что-то смущает?

Кормильцев замялся.

– Понимаете, это так неприятно... – промямлил он. – Мне не хотелось бы рассориться со всеми друзьями. Может быть, они все-таки ни при чем?

– Не волнуйтесь, – сказала я. – Никто не собирается с ходу предъявлять вашим друзьям обвинение. Мы будем действовать деликатно. Вы, кажется, упоминали, что до сих пор ни с кем не делились своими неприятностями?

– Ни с кем, – кивнул Кормильцев. – Кроме вас. И жены.

– Между прочим, а как отреагировала жена, узнав, что случилось?

– Как может отреагировать женщина? – криво усмехнулся Кормильцев. – Из-за денег расстроилась. А на марки ей наплевать, хоть бы их все украли.

– Понятно, – сказала я. – Но ведь не она посоветовала обратиться к нам за помощью? Она, наверное, тоже отправляла вас в милицию?

– Никуда она меня не отправляла, – буркнул Кормильцев. – Наоборот. «Скажи спасибо, что все так кончилось, тебя ведь могли вообще убить» – вот что заявила она. А к вам меня направил один знакомый предприниматель. Я спросил его, кто может в нашем городе найти человека, кроме милиции. Он и посоветовал: или к «крутым» обращаться надо, или к вам. Но с «крутыми» у меня нет желания общаться лишний раз. Меня смущают их методы и цены. А сколько, кстати, возьмете с меня вы?

– Пусть это вас не волнует, – успокоила я филателиста. – Оплатите издержки, и все. А мы уж постараемся выжать свою прибыль из вашего дела.

Кормильцев изменился в лице, поняв, что я имею в виду.

– Не пугайтесь, – продолжила я. – Фамилии будут вымышленными. Но до этого еще очень далеко. Давайте-ка вернемся к нашим сегодняшним делам. У меня еще один вопрос: вот

эти четверо, – я заглянула в список, – знали о вашей заветной мечте? Грубо говоря, им было известно, на что вы можете «купиться» безусловно? И нет ли кого-то еще, вне этого списка, кто был бы в курсе вашей страсти к трем медведям?

Кормильцев напряженно уставился на меня и после минутного раздумья ответил:

– Эти четверо, разумеется, знали. А кроме них... Нет, пожалуй, никто. Видите ли, серия настолько редкая, что нет смысла спрашивать о ней у каждого встречного-поперечного. А в разговоре с приятелями я, конечно, часто касался этой темы. В плане несбыточных мечтаний... Неужели вы полагаете, что это все-таки кто-то из них?

– Ну посудите, – сказала я, – информация не падает с неба, и кто-то ведь должен был предоставить ее преступникам. Вы сами утверждаете, что, кроме этой четверки, больше никто ничего не знал. Какой следует вывод?

– Да, верно, – потерянно пробормотал Кормильцев. – И ужасно.

– Такова жизнь, – заметила я. – Насколько я догадываюсь, к троим из указанной четверки вы обращались за помощью в отношении экспертизы?

– Да-а! – воскликнул Кормильцев и ткнул пальцем в листок с фамилиями: – Я просил об этом Титова, Еманова и Пановского. Пановский лежит в больнице. Значит, он отпадает.

– Я в этом не уверена, – возразила я. – А почему вы не обратились за помощью к Морозу?

Кормильцев удивленно воззрился на меня.

– Да вы посмотрите внимательнее, что там написано, – почти весело сказал он. – Это же Мороз! Александр Григорьевич Мороз – начальник Управления сельского хозяйства. Да, он тоже увлекается марками, тоже анималист, но... Вы думаете, я могу вот так запросто пригласить его в компанию каких-то странных, никому не известных продавцов коллекций? У меня и мысли такой не возникло!

– Ну я ведь сразу призналась, что ничего не понимаю ни в филателии, ни в филателистах, – улыбнулась я. – Кстати, если бы вы его пригласили в тот день, может, ничего бы и не случилось?

– Ну, вы скажете! – фыркнул Кормильцев. – Нет, этот вариант я сразу отбросил. С тех пор как Александр Григорьевич пошел на повышение, мы виделись с ним всего один раз – я достал ему серию «Экология Заполярья»...

Глаза Николая Сергеевича мечтательно затуманились.

– Ясно, – сказала я. – По крайней мере, теперь у нас есть какая-то зацепка. Теперь остается один очень неясный момент – каким все-таки образом вас «выключили»? Вы так ничего и не можете вспомнить?

– Абсолютно, – огорченно подтвердил Кормильцев. – Все как в тумане. Знаете, все-таки что-то связано с тем чемоданчиком. Экран... Не знаю, как объяснить. Кстати, может быть, это глупо прозвучит, но после того случая я не могу смотреть телевизор. Сразу возникает ощущение тошноты, головокружение. И за компьютером тоже. Но сегодня уже меньше. Как вы думаете, что это может быть?

– Честное слово, не знаю, – ответила я. – Какое-то излучение? Я ведь не специалист. Надо будет посоветоваться с электронщиками и с медиками. До сих пор я ни о чем подобном не слышала.

– М-да, я тоже ничего такого даже не предполагал, – скорбно произнес Кормильцев. – Если бы меня накачали клофелином или каким наркотиком... Но этого не могло быть, уверяю вас!

– Да, странно, – согласилась я. – Ну что ж, давайте напоследок еще раз припомним, как выглядели преступники. Жалко, что вы не догадались их сфотографировать. Снимки нам здорово помогли бы. Шучу, конечно.

– Вряд ли я сумел бы это сделать, даже если бы догадался: никогда не держал в руках фотоаппарата, – признался Кормильцев. – А выглядели они последний раз так... Трауберг был

в модном синем плаще. У него густые черные волосы, аккуратно подстриженные, с такими, знаете, полубаками. Лицо смугловатое, чувственное. Говорил мало и почти не улыбался, в отличие от своего друга, который скалился поминутно. Тот вообще – полная противоположность. Низенький, сутулый. Редкие русые волосы, жидкая борода. Глаза маленькие, какие-то рыжие и все время бегают. Одет он был в дурацкий клетчатый плащ. Если бы не этот металлический чемоданчик в руке, его можно было бы принять за одного из неудачников, что вечно толкуются у пивного ларька.

– Вначале вы говорили, что он похож на учителя, – напомнила я.

Кормильцев махнул рукой.

– Это почти одно и то же, – пренебрежительно сказал он. – Короче, это был один из тех, кому хронически не хватает денег.

У меня на языке вертелся язвительный вопрос – давно ли стали водиться деньги у самого Кормильцева и чего ему стоило выбиться в состоятельные люди. Но я промолчала и вместо этого спросила:

– В тот злосчастный день вам уже не удалось полюбоваться на трех медведей. Но, помню, вы намекнули, что теперь сомневаетесь в их подлинности. Как вы думаете, что же демонстрировали вам мошенники?

Кормильцев пожал плечами.

– Сами знаете, полиграфическая техника сейчас великолепная. Подделывают доллары, не то что... Эти люди пользовались услугами Интернета. Возможно, оттуда они и скачали изображение раритетных марок. Или воспользовались каким-то зарубежным каталогом. Конечно, имея я возможность рассмотреть марки в подробностях, подделка неминуемо обнаружилась бы. Но они придумали эту иезуитскую хитрость с полиэтиленовым конвертом и плохим освещением. Получилось что-то вроде морковки, привязанной перед носом у зайца.

Кормильцев опять досадливо махнул рукой.

– Хорошо, – сказала я, вставая. – Спасибо вам за информацию и за кофе. Теперь у нас есть над чем подумать. Если мы что-то найдем, то сразу поставим вас в известность. И если у вас появятся новости – звоните.

Кормильцев кивнул и шагнул к двери.

– Я вас провожу. Очень вам благодарен. Мне почему-то кажется, что вы непременно найдете этих людей. Я это чувствую.

– Не обольщайтесь, – еще раз предупредила я. – Если они удовлетворятся одной аферой и больше ничем себя не проявят, найти их вряд ли представится возможным.

Мы прошли из кабинета в магазин, и я распрощалась с хозяевами. Алевтина Ивановна еще раз одарила меня прохладной дежурной улыбкой, но по ее глазам было видно, что она ни капли не верит в нашу способность помочь. Это несколько меня не задело. Я-то знала – у нас есть реальные шансы добраться до мошенников.

Глава 3

– Я просто уверена, что мы найдем грабителей! – горячо заявила я. – Конечно, они уверены, что очень ловко все обтяпали. Наверняка думают, что после них не осталось никаких следов. Но посмотрите, какая вырисовывается четкая связь: всего четверо подозреваемых, которые владели необходимой информацией, и кто-то из них наверняка был наводчиком. Исполнителей же следует искать среди знакомых этого человека, ясно как день. Скорее всего, они – люди из интеллигентного круга, связанные с электроникой, а не профессиональные преступники. Так что прежде всего нужно заняться этой четверкой – разузнать о них как можно больше. Но действовать следует очень осторожно, чтобы не выдавать наших истинных намерений. Все нужно хорошенько обдумать. Ну а что сумели разведать остальные? Подозреваю, не слишком много?

Мы собрались в редакции в полном составе. За окном по-прежнему лил дождь. Однако на него уже никто не обращал внимания. Мы все находились в некоем трансе, в лихорадке поиска – так случалось всегда, когда подворачивалось настоящее дело.

По лицам коллег легко можно было догадаться: я со своим предположением, что разузнать им удалось немного, была недалеко от истины.

Первой отчитывалась Маринка.

– Ой, Оля! – эмоционально начала она. – Заходила я на сайт филателистов. Уму непостижимо, сколько народу сдвинулось на этих дурацких марках! Объявлений о продаже и обмене – море. Надо сутками сидеть, чтобы в них разобраться. Одно могу сказать точно – никаких Траубергов я не обнаружила. Само собой, теперь он поменял адрес. Так что в Интернете наших мошенников искать бесполезно. Если они не законченные идиоты, конечно.

– Очень исчерпывающее объяснение, – отметила я. – А что у тебя, Виктор?

За Виктора, конечно, ответил Ромка, стараясь говорить солидно и веско. У него это получалось не очень – в голосе то и дело прорывались возбужденные нотки.

– Знаете, Ольга Юрьевна, как ни странно, а в городе проживают всего двое Траубергов, – сообщил он. – По крайней мере, официально зарегистрированных. Один – Трауберг Семен Анатольевич, майор внутренних войск, работает в тюремной охране. По понятным причинам увидеть его нам не удалось – он находился на дежурстве. Второй – Трауберг Валентин Исаевич, поет в оперетте. Мы видели его портрет в фойе театра. У него второй подбородок и лысина. Даже если он наденет парик, его трудно будет назвать красивым мужчиной. Хотя не знаю, – запнулся он, – может быть, у женщин другое мнение...

– То же самое, – улыбнулась я. – Мне, например, совсем не нравятся вторые подбородки... Одним словом, как и следовало ожидать, Трауберг – это всего-навсего псевдоним. Как хотите, а я не могу представить себе тюремщика в роли афериста, пользующегося Интернетом. А что насчет Кормильцева, Сергей Иванович? Какие грешки числятся за ним?

Кряжмский был, как всегда, обстоятелен и нетороплив.

– По поводу Кормильцева ничего особенного, – заговорил он. – Биография довольно типичная для нашего времени. До перестройки обыкновенный инженер-химик, потом, когда предприятие, где он трудился, закрылось, какой-то период занимался челночным бизнесом. Скопив капитал, открыл свой магазин. Видимо, здесь сыграли роль три фактора: врожденная предприимчивость, удачная торговля, в том числе и марками, плюс знакомства. Мне удалось выяснить, что завести собственное дело Кормильцеву помог некий Александр Григорьевич Мороз, в настоящее время крупный чиновник. Его связи оченьгодились.

Сергей Иванович на минуту замолчал, как бы выстраивая собранную информацию, а затем продолжил:

– Никаких неприятностей с правоохранительными органами Кормильцев никогда не имел, характеризуется как положительный, спокойный человек, умеренный во всем. Единственное, что может насторожить, – он платит совсем небольшой налог. То есть он якобы имеет со своей торговли смехотворный доход. Однако и тут к нему не подкопаешься – по документам все сходится. Возможно, если бы налоговая инспекция взялась за него более плотно, что-нибудь, глядишь, и обнаружилось. Но у налоговиков пока нет такого желания. Не исключено, что и здесь сыграла свою роль дружба с Морозом. Вот, пожалуй, и все, Ольга Юрьевна.

– Как говорится, отсутствие плохих новостей – лучшая новость, – прокомментировала я. – Что ж, теперь беремся за тех, чьи фамилии и адреса нам известны, то есть за друзей Кормильцева, оказавшихся в его «черном» списке. Предлагаю поступить следующим образом. Как известно, у Кормильцева похищено ровно двенадцать марок. Этот список я хочу разделить на три части. Трое из нас – каждый со своим списком – отправляются к трем филателистам. Формально – с просьбой помочь. Мы, мол, любители, ищем вот эти марки, нам вас представили как крупного специалиста... и так далее. Но подтекст такой, что на самом деле мы – переодетые оперативники. Тот, кто ни в чем не замечен, попросту высмеет нас и пошлет подальше. Тот же, кто участвовал в похищении, непременно занервничает. Он решит, что милиция уже напала на его след, и побежит советоваться со своими сообщниками. Вот тут и надо будет за ним проследить.

– А если не побежит? – ревниво спросил Ромка.

Кажется, он догадывался, что ему опять светит остаться не у дел, – для переодетого оперативника Ромка был слишком молод.

– Побежит, – уверенно возразил Виктор. – Куда он денется?

– Я тоже так думаю, – поддержал его Кряжковский. – Может, не следует понимать слишком буквально – сразу сорвется и побежит. Но встретиться с сообщниками он захочет обязательно. Наверняка они планируют следующую операцию. Филателист должен будет предупредить подельников.

– Весь вопрос в том, – продолжила я, – насколько ему удастся скрыть волнение. Хотя мне кажется, это будет для него не просто. Люди, не имевшие опыта общения с правоохранительными органами, обычно теряют самообладание очень быстро. Поэтому я так надеюсь на благоприятный исход.

Кряжковский деликатно покашлял и опять подал голос:

– Только прошу, коллеги, не забывать о том, что наши рассуждения – только версия. Не исключено, что никто из этой четверки не имеет к преступлению ни малейшего отношения. Кормильцев вполне мог что-то упустить, и главный организатор попросту не назван.

– Кстати, а почему мы собираемся следить за тремя филателистами? – обиженным басом спросил Ромка. – В списке же их четверо!

– По одной простой причине, – ответила я. – Будет слишком сложно следить за начальником управления сельского хозяйства, коим является Александр Григорьевич Мороз. Можно нарваться на неприятности. К тому же вряд ли он станет рисковать своим высоким положением ради марок. Хотя полной уверенности у меня в этом нет – кто их знает, филателистов? Но, так или иначе, стоит заняться Морозом в последнюю очередь. Другие кандидаты представляются более подозрительными.

– Ну что ж, давайте тогда их обсудим? – предложил Кряжковский. – Судя по тем сведениям, что дал Кормильцев, это люди работающие. Может, стоит навестить кого-то уже сегодня вечером?

– Давайте подумаем. – Я развернула список и зачитала первую кандидатуру: – Еманов Виктор Николаевич, заведующий отделением психиатрической больницы. Живет на улице Пушкина. Этого я, пожалуй, беру на себя. Но навещу я его завтра в больницу – в случае чего

будет легко проследить за его передвижениями. Только нужно посмотреть мою машину – она не заводится. Виктор, ты не заглянешь сегодня ко мне?

Виктор молча кивнул, и я продолжила:

– Теперь следующий. Мороз. Александра Григорьевича пока пропускаем. Далее – Пановский Константин Терентьевич, пенсионер. В настоящее время находится на лечении в больнице – во второй клинической, в терапевтическом отделении. Его можно навестить прямо сегодня. Хотя... Я бы хотела, чтобы это сделал Виктор, поэтому, может быть, перенесем на завтра?

Фотограф отрицательно покачал головой.

– Сначала в больницу, – сказал он. – Потом к вам. Ромку для подстраховки.

Услышав, что его все-таки берут на дело, наш курьер едва не подпрыгнул до потолка. Дальше ему совершенно не сиделось, он с трудом удерживал себя на месте и ел глазами своего благодетеля.

– И последний – Титов Анатолий Борисович, заместитель начальника строительства какого-то крупного животноводческого комплекса в тридцати километрах от города. Титова, конечно, предпочтительно ловить дома. Проблема в том, что вряд ли он возвращается рано. Мне хотелось бы, чтобы таким солидным клиентом занялся Сергей Иванович.

– Я не возражаю, – сказал Кряжковский. – Сегодня же постараюсь с ним встретиться.

– Здесь имеется телефон, – заметила я. – Вы сможете предварительно позвонить, чтобы не мотаться зря по городу. Теперь разделим список пропавших марок.

– Позвольте внести предложение, – сказал Кряжковский. – Давайте использовать весь список, целиком. Это для преступника будет лучшим доказательством того, что мы идем по его следам. И вернее побудит его к активным действиям.

– Наверное, вы правы, Сергей Иванович, – согласилась я. – В таком случае просто размножим список.

Так мы и поступили. До конца рабочего дня никто больше не возвращался к этому вопросу, все занимались текущими делами. Один Ромка изнывал от нетерпения – обычная рутина угнетала его.

Наконец настала пора расходиться. Виктор еще раз заверил меня, что через часок зайвится посмотреть мою машину, забрал Ромку и уехал в больницу. Все остальные отправились по домам.

Дождь, к счастью, прекратился, но дул пронзительный ветер, отряхивая с деревьев крупные холодные капли. На улице горели фонари, и сумерки от этого казались еще непрогляднее. По случаю часа пик троллейбусы опять были переполнены, но поездка обошлась без скандала – возвращаясь с работы, люди были настроены более благодушно.

По дороге я размышляла, сработает ли наша схема. В теории все выглядело гладко, но я знала, что реальная жизнь любит подбрасывать самые неожиданные сюрпризы. Во всяком случае сегодня вечером мне будет известен результат первой встречи.

Свой визит к психиатру Емакову я не случайно планировала нанести прямо в больнице. Попутно я рассчитывала встретиться там со своим знакомым: он тоже работал врачом-психиатром и очень серьезно занимался проблемами гипнотерапии. Я надеялась, что он сможет внести ясность в непонятную историю с чемоданчиком. Может быть, ему приходилось даже пользоваться подобными приборами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.